

УДК 811.114

СОМАТИЗМЫ В ПОЭЗИИ БЕЛЛЫ АХМАДУЛИНОЙ

В. К. Харченко
Д. А. Плужникова

Белгородский
государственный
национальный
исследовательский
университет

e-mail:
Harchenko@bsu.edu.ru
dageeva24@rambler.ru

В статье исследуется лексика названий частей тела в поэзии Беллы Ахмадулиной с точки зрения приоритетов использования того или иного подтипа соматизмов, особенностей употребления, превращения слова в символ.

Ключевые слова: соматизм, соматология, синекдоха, символ, перцепция.

Наименования частей тела – «древнейший пласт лексики, непосредственно связанный с функционально-чувственными сторонами человеческого бытия и отражающий культурно-антропологические особенности индивидов, принадлежащих к тем или иным языковым сообществам» [1, с. 70]. Вслед за А. А. Занковец под соматизмами мы будем понимать «все элементы устройства тела человека».

В одном из своих писем из концлагеря П.А. Флоренский выделял «особые точки» в мировой ткани, содержащие ключи к пониманию глубокого прошлого [2, с. 582]. В природе это узловые феномены: грибы, водоросли, папоротники, деревья древнейшей поры (ginkgo) – стержни сложнейшей организации разнообразия природного мира. В идеографической палитре языка также имеют место узловое семейство слов. Это термины родства, соматизмы, зоонимы, фитонимы. Соматизмы (от греч. *sōma* 'тело') как номинации элементов строения тела человека входят в число ключевых лексических единиц, характеризующихся а) исключительным богатством семантики (сверхмногозначностью ведущих, базовых соматизмов: «голова», «лицо»), б) весьма мощными, насыщенными и разветвленными словообразовательными гнездами, в) поддержкой фразеологии (обилием соматики в составе идиом: *потерять лицо, рука руку моет*), наконец, г) свойствами слов-символов, обслуживающих пафосную речь (*сердце, мозг* чего-л.). Словарь всего лишь одного слова-соматизма, составленный А. Р. Поповой, содержит свыше 2000 единиц лексико-фразеологического комплекса с вершиной «рука» [3].

Современную лингвистику отличает не всегда заметный на фоне исследовательской инноватики, но, тем не менее, перманентный, естественный и весьма устойчивый интерес к анализу соматической лексики. Не утихают споры о составе соматической парадигмы (например, дискутируется вопрос, входит ли в число соматизмов слово «душа» или «душа» традиционно противостоит «телу»).

Соматическая лексика активно изучается отечественными и зарубежными лингвистами на материале различных лексико-семантических групп слов одного или нескольких языков Л. Г. Гынзановой [4], Э. Р. Замалютдиновой [5], А. А. Занковец [6], А. М. Кочеваткиным [7], О. В. Старых [8], Е. В. Урысон [9] и мн. др.

Интенсивно исследуются соматизмы в языке фольклора [10], создан словарь соматики народных примет в сопоставлении русского и немецкого языков [11], анализируются концепты с базовым словом-соматизмом. Невозможно не заметить и соматизмы в языке поэзии, и своеобразие идиостиля нередко простирается на использование поэтом «соматического материала».

В этом аспекте большой исследовательский интерес представляет творчество Беллы Ахмадулиной. Отрывки из стихотворений приводятся по изданию [12].

Опираясь на классификацию А. М. Кочеваткина (5 основных «беспорных» групп соматизмов), классификацию, дополненную А. А. Занковец, выделяющей ещё две группы: «волосы» и «вещества, продукты жизнедеятельности человека», соматическую лексику в поэзии Б. Ахмадулиной разделим на семь тематических групп, основанных на функциональных признаках слов-соматизмов, а также на противопоставлении «внешнее / внутреннее».

1. Сомонимическая лексика (от греч. *sôma* 'тело' и *онума* 'имя') – слова, обозначающие части и области тела человека, названия головы и ее частей, названия шеи и туловища человека, названия верхних и нижних конечностей: *Работу малую висок / еще вершит. Но пали руки, / и стайкою, наискосок, / уходят запахи и звуки* («Прощание»); *Но этот трепет так меня трепал, / в мои слова вставлял свои ошибки, / моей ногой приплясывал, мешал / губам соединиться для улыбки* («Озноб»). Своеобразие отбора поэтических соматизмов у Беллы Ахмадулиной проявляется уже в этой подгруппе: наряду с «традиционными», ожидаемыми наименованиями частей тела: рука, нога, поэтесса обращается к излюбленному слову-символу «висок» и к «губам» как выразителям (в данном контексте) прежде всего настроения, эмоции;

2. Остеонимическая лексика (от греч. *osteon* 'кость' и *онума* 'имя') – это названия костной системы человеческого организма в целом, названия костей головы, туловища, нижних и верхних конечностей: *Вот ты проходишь меж деревьев и стен, / сам для себя неведомый и странный, / пока еще банальности туманной / костей твоих не обличил рентген* («Вступление в простуду»); *Уродующий кисть огромный пульс / всегда гудел, всегда хотел на волю* («Озноб»); *Какой в лопатках ужас!* («Взойти на сцену»);

3. Сплахнонимическая лексика (от греч. *splanchna* 'внутренности' и *онума* 'имя') – названия внутренних органов человека в целом и названия пищеварительных, дыхательных и мочеполовых органов: *А по ночам – мозг наострится, ждет. / Слух так открыт, так взвинчен тишиною, / что скрипнет дверь иль книга упадет, / и – взрыв! и – всё! и – кончено со мною!* («Озноб»); *В тигриных мышцах тишины / она растет прыжком подспудным, / и сны ее совершены / сокрытым от людей поступком* («Я школу Гнесиных люблю»); *Повадился дышать! Не виноват / в религиях и гибелях далеких. / И принимает он кровавый чад / за будничную выгоду для легких* («Варфоломеевская ночь»);

4. Ангионимическая лексика (от греч. *angeion* 'сосуд' и *онума* 'имя') служит для наименования элементов кровеносной системы человеческого организма: *Последовал предсмертный всплеск стекла, / и кровь из пальца высекли осколки* («Озноб»); *И, выпраставшись из артерий, / громоздких пульсов и костей, / вишу, как стайка новостей, / в ночи не принятых антенной* («Путник»);

5. Сенсонимическая лексика (от лат. *sensus* 'чувство, ощущение' и греч. *онума* 'имя') – названия органов зрения, слуха, обоняния, вкуса и осязания: *Исчерпана до дна пытливыми глазами, / на сведенье ушей я трачу жизнь свою* («Взойти на сцену»); *Все разговоры, все шепоты твои / мне на ухо нашепчешь и утетишь* («Тоска по Лермонтову»); *И вот теперь разнежен весь мой дом / целебным поцелуем валерьяны, / и медицина мятным языком / давно зализывает раны* («Озноб»); *О, мне не привыкать, мне не впервой, не внове / взять в кожу, как ожог, вниманье ваших глаз* («Взойти на сцену»);

6. Корнонимическая лексика (термин А.А. Занковец) – номинации волос, ногтей и других роговых образований на теле человека: *Пора! В окне горит огонь-затворник. / Усугубилась складка меж бровей. / Пишу: октябрь, шестнадцатое, вторник – / и Воскресенье бабочки моей* («Бабочка»); *Привнесена подробность в бесконечность – / роднее стал ее сторонний смысл. / К вселенной недоволенная нежность / дрожаньем спектров виснет меж ресниц* («Прогулка»);

7. Лексика, обозначающая проявления человеческого организма (разнообразные вещества, вырабатываемые организмом для поддержания собственной жизнедеятельности, а также продукты жизнедеятельности человека): *Завиден мне полет твоих*

*колес, / о мотороллер розового цвета! / Слежу за ним, не унимая слез, / что льют без повода в начале лета («Мотороллер»); Я лишь объем, где обитает что-то, / чему малы земные имена. / Сооруженье из костей и **пота** - / его угодья, а не **плоть** моя («Я лишь объем, где обитает что-то...»).*

Разумеется, в поэтическом тексте соматизм как экспрессивное средство выступает в сопряжении с целым набором иных экспрессивных средств: интертекстом, поэтических афоризмов, звукописи и цветописи и потому, как выше было отмечено, не всегда достаточно заметен, точнее заметен как единичный факт, но чтобы уяснить роль этой лексики в целом, необходимо провести еще и квантитативный анализ поэтической соматики, приняв за условную единицу тексты 100 стихотворений поэтессы.

Активность, частотность употребления слов-соматизмов проявилась следующим образом:

- 41 употребление – глаз, 36 – лицо, 28 – лоб, 26 – рука;
- 18 – сердце, 17 – голова, 14 – губы, зрачок, 13 – горло, 12 – уста, 10 – ладонь, нога;
- 8 – гортань, кожа, 7 – шея, щека, палец, грудь; 6 – плечо, кровь; 5 – тело, колено, локоть, чёлка;
- 4 – висок, затылок, мозг, рот, спина; 3 – кость, мускул, пульс, око; 2 – бровь, зуб, легкое, плоть, скула, ресница, ухо;
- 1 – белок, веко, десна, живот, запястье, кисть, лопатка, мизинец, мышца, нервная система, подмышка, пот, темя, щитовидная железа, язык.

Проанализируем установленные количества.

Первый ряд сверхчастотных соматизмов включает, помимо глаза, лица и руки неожиданное, но для поэтессы весьма типичное слово-соматизм «лоб». Более того, автор в одном из стихотворений, не попавших в сотню просчитываемых, включил окказионализм «исподлобье».

Второй ряд высокочастотных соматизмов интересен включениями «зрачок», «горло», «ладонь» и старославянизмом «уста». Если наложить второй ряд на первый, то получаем синонимию: губы – уста, глаз – зрачок, рука – ладонь. Синонимия простирается и в нижние ряды: уста – рот, горло – гортань, рука – запястье, скула – щека, глаз – око... Мы получаем «вертикальные синонимы» как свидетельство регулярной замены слова-соматизма или «более конкретным» словом, от общего, целого – к части: *рука – ладонь, палец – мизинец, глаз – белок*, или более высоким словом (*глаз – око*), или заменой по метонимической формуле (*глаз – веко*).

Имеют место и «анатомические изыски»: *белок, лопатка, мышца, лёгкое, щитовидная железа, нервная система*. Поэтесса втягивает в орбиту стихотворения значительное число поэтически слабо освоенных или вообще не освоенных соматизмов, что является еще одним свидетельством выдающейся языковой личности Беллы Ахмадулиной и уроком для тех, кто посвящает себя поэтическому ремеслу и искусству.

Итак, в ста просчитанных нами стихотворениях Белла Ахмадулина использовала 28 раз соматизм *лоб*, 14 раз – *зрачок*, 13 – *горло*, 8 – *гортань*, 6 – *плечо*, 5 – *локоть*. То есть шесть не самых популярных в поэзии слов подкреплены 74 совокупными словоупотреблениями, то есть своеобразие лексики поэтессы потребовало двенадцатикратного запаса хода.

Отдельно проанализируем средний, третий, ряд в условно выделенных рядах квантитативов. Для этого ряда характерны двучлены (*гортань, кожа; плечо, кровь*) и «четверочлены» (*шея, щека, грудь, палец и тело, колено, локоть, чёлка*) совпадающих по частотности лексем, хотя сами лексемы между собой весьма различны, за исключением разве что *колена* и *локтя*. Это ещё одно подтверждение уникальной языковой личности поэтессы, преодолевающей стандарты ассоциаций и втягивающей новые пласты лексики, по определению весьма значимой для человека.

Еще раз приведём квантитативы частотности соматизмов и наложим на них классификацию, обозначенную в начале статьи и проиллюстрированную контекстами из Беллы Ахмадулиной. Наименования групп тяжеловесны, поэтому воспользуемся

сугубо рабочими обозначениями: 1) части тела, 2) кости, 3) внутренние органы, 4) кровь, 5) перцепты (глаз, ухо, язык), 6) волосяной покров, 7) проявления организма, выделения, вещества:

- 41 употребление – глаз, 36 – лицо, 28 – лоб, 27 – рука, 21 – сердце;
- 17 – голова, 14 – губы, зрачок, 13 – горло, 12 – уста, 10 – ладонь, нога;
- 8 – гортань, кожа, 7 – шея, щека, палец, грудь, кровь, плечо; 6 – тело; 5 – колено, локоть, чёлка, пульс;
- 4 – висок, затылок, мозг, рот, спина; 3 – кость, мускул, око; 2 – бровь, зуб, легкое, плоть, скула, ресница, веко, ухо;
- 1 – аорта, белок, десна, живот, запястье, зев, зуб, кисть, лопатка, мизинец, мышца, нервная система, подмышка, пот, темя, усы, щитовидная железа, язык.

5-1-1-1-3

-1-1-5-3-1-1-1

-3-5-1-1-1-1-4-1-1-1-1-6-3-

-1-1-3-1-1-2-3-5-6-2-3-7-2-6-1-5-

-3-1-3-1-2-3-3-2-2-1-3-3-1-7-1-6-3-5.

Преобладает первая группа (сомонимическая лексика, наименования частей тела), второе место занимают названия внутренних органов. Поэтому, хотя мы выше и проиллюстрировали контекстами из Беллы Ахмадулиной каждую из семи выделяемых исследователями подгрупп соматической лексики, будем учитывать также реальное соотношение списков выделенных групп. Кровь, волосяной покров, выделения (пот) лидировать не могут, но меньшую частотность члены этих групп компенсируют экспрессией неожиданности.

В списках соматизмов не может не обратить на себя внимания тенденция к конкретизации предмета, будь то традиционные *рука*, *глаз* и менее распространённое в поэтическом языке слово *спина*. Выстраиваются ряды:

- *рука* – *плечо* – *локоть* – *запястье* – *кисть* – *ладонь* – *палец* – *мизинец*;
- *глаз* – *уголок глаза* – *белок* – *зрачок* – *ресница*;
- *спина* – *лопатка* – *подмышка*.

Поэтическая анатомия становится художественно разветвленной и насыщенной. Представим эти ряды с числовыми выкладками:

– *рука*-27 – *плечо*-7 – *локоть*-5 – *запястье*-1 – *кисть*-1 – *ладонь*-10 – *палец*-7 – *мизинец*-1;

– *глаз*-39 – *уголок глаза*-2 – *белок*-1 – *зрачок*-14 – *ресница*-2;

– *нога* – 10, *колено* – 5, *подошва* – 1;

– *спина*-4 – *лопатка*-1 – *подмышка*-1.

Если *рука* употребляется 27 раз, то «части руки» в общей совокупности употреблений у поэтессы представлены 32 словоупотреблениями. *Глаз* – 39 раз, «части глаза» – 19 раз. *Нога* – 10, «части ноги» – 6. *Спина* – 4, «части спины» – 2.

«Сухой» подсчёт выявил механизм предпочтений поэтессы в изображении частей целого, частей тела именно как частей, хотя проще было бы писать не о колене, а о ноге, не о зрачке, а о глазе, не о лопатке, а о спине.

В начале статьи мы заострили вопрос о том, входит ли «душа» в число слов-соматизмов (Е. В. Урынсон). Душа выступает и интерпретируется как производное от тела и вместе с тем достаточно часто душа выступает как антипод всему телесному. На этот вопрос своим творчеством отвечает Белла Ахмадулина. Чем больше внимания уделяет поэтесса соматизмам, свидетельствующим о чутком и остром восприятии телом всего происходящего, тем рельефнее проступают эмоциональные контуры личности, неповторимость души и духа поэта. Опять же, если мы признаём соматизмом *сердце* (в 100 стихотворениях поэтессы – 18 раз употреблено это слово), то не считать *душу* в том же ряду было бы нелогично. Являются ли «частями тела» слёзы? Здесь мы сталкиваемся с так называемой лингвистической переменной в терминологии

Л. Заде. Интересно, что в поэзии исследуемого автора *слёзы* тоже достаточно авторитетны как форма выражения эмоций (11 употреблений в 100 стихотворениях).

Обратимся к анализу соматизмов в других ракурсах.

Под соматизмами имеют в виду, прежде всего, части тела человека, однако сам материал всегда требует привлечения и зоосоматизмов, будь то *крылья, перья, хвост, клюв*. Зоосоматизмы давно стали поэтическими метафорами, широко используемыми и в других дискурсах и также входящих в многочисленные фразеологизмы (*крыльишки опустить, избавиться от хвоста, рыльце в пуху*). Интересно, что в ста «просчитанных» стихотворениях Б. Ахмадулиной зоосемизмов мало: крыло – 2, перья – 1, хвост – 2, при том, что соматизмы характеризуют почти все стихотворения: из сотни лишь несколько стихотворений лишены «соматики».

Отдельную группу соматизмов составляют двулксемные номинации: свободные: *мускул горла, уголки глаз* – и терминологически устойчивые: *щитовидная железа, нервная система*. В прокрустово ложе поэтической строки включить составные термины в отличие от свободных словосочетаний, согласимся, непросто, но для Беллы Ахмадулиной не существует непреодолимых жанрово-эстетических задач.

Особый интерес составляют группы контактирующих соматизмов. Здесь выделяются однородные употребления: *колени и локти* (282, 97), *горло и рука* (71), *глаза и губы* (177).

Контактное расположение слов-соматизмов в поэтической строфе наделяет их не только антонимическими характеристиками, но и символическими, как в следующем отрывке: *Всего-то было – горло и рука, / в пути меж ними станет звук строкою, / и смертный час – не больше, чем строка: / всё тот же труд меж горлом и рукою* («Биографическая справка», 71). У поэтессы, что характерно, встречаются и более развернутые однородные ряды, триады соматизмов, причём рядоположенность составляющих их членов весьма креативна. *...И, выпроставшись из артерий, громоздких пульсов и костей* (221); *...Капризы ваши, шеи, губы, щеки...* (159); *...Пулсировала бесконечность / в груди, в запястье и в виске* (181).

Еще одной системной особенностью авторских соматизмов в творчестве Беллы Ахмадулиной является привлечение соматики для создания образа автора, автопортретирование лирической героини, создание поэтики замедленного жеста (*рука на голову ложится; лоб склоню – и опалит ладони...*) и/или остановленного жеста: *палец на губах* (260, 262, 263), (с. 78), *лицом в ладони* (с.121), *на коленях руки* (155), *головую в ладонь* (158), *затылок свой вложил в ладонь* (177), *глаза прикрыть и голову...* (209). *Одну тебя я счастливо люблю, / и лишь твое лицо не лицемерно. / Рука твоя на голову мою / ложится благосклонно и целебно* («Тоска по Лермонтову», 78). В поэтическом кадре крупным планом у поэтессы рука, локоть, ладонь, слеза: *Он заметал ее следы. / О, как он притворился ловко, / что здесь не падало слезы, / не облакачивалось локтя* («Твой дом», 36). *Я им родня, я погибаю / от нежности, когда вхожу, / я так же шею выгибаю / и так же голову держу* («Дом», 181).

Традиционная синекдоха, общеупотребительный символ *сердце* у Беллы Ахмадулиной увеличивает экспрессию, поскольку включается в «изобретённый» поэтессой прием однородного дублирования, полного повтора слова: *дрожь между сердцем и сердцем* (126). По подсчетам О. Ю. Роганиной, в поэтике исследуемого автора такой приём встречается всего пять раз (*между словом и слово, как медь и медь, древо взирает на дочь и на дочь*), тем выразительнее становится исследуемая синтагма: *дрожь между сердцем и сердцем*.

Значительный интерес представляет анализ тропов, обслуживающих соматизмы и привлекающих, направляющих к ним внимание читателя. Это эпитет-интенсив: *громоздких пульсов и костей* (221), эпитет-олицетворение *неграмотные рыльца*, эпитет-метафора: *в тигриных мышцах тишины*; метафорический осязательный глагол: *опалит ладони* (136), *опаляющий глаз сквозь ладонь* (218), перифразы: *сооруженье из костей и пота, горб – натруженность среднего паль-*

ца (144), осязательное сравнение-интенсив: *взять в кожу, как ожог, вниманье ваших глаз*. Рассмотрим ещё один фрагмент: *Уродующий кисть огромный пульс / всегда гудел, всегда хотел на волю...* Здесь также наблюдается группа приемов, инструментов художественности на фоне ведущего олицетворения пульса. Это синестезия (*огромный пульс, пульс... гудел*), гипербола (*уродующий кисть*), это привлечение фразеологизма, тоже телесного (*хотел на волю*), это использование автором сразу двух слов-соматизмов в пространстве одной поэтической строки (*кисть, пульс*).

Теперь поменяем направление анализа и убедимся, что в поэтическом мире Беллы Ахмадулиной и сами соматизмы, употребляясь в переносном значении, могут экспрессивно обслуживать иные реалии, например, в составе гинитивной метафоры: *смотрят рыльца карандашей, рога антенн над головой*. Еще интереснее наблюдать совмещение прямых и переносных значений слов-соматизмов в художественной перцепции поэтессы: *Два мрачных исподлобья сведены / в неразрешимой и враждебной встрече: / роаль и ты – две сильных тишины, два слабых горла музыки и речи* («Уроки музыки», 65).

Отмеченный исследователями устойчивый интерес поэтессы к старославянизмам распространяется и на соматическую лексику, формируя ряды стилистических синонимов: *рыльца-лицо-лик; глаз-око, рот-губы-уста*. Экспрессию сомаиизма-старославянизма может подчёркивать предваряющее «бытовое», приземлённое описание (*кривая, ни зубов, ни глаза...*) *Кривая Ника: нет зубов, нет глаза./ При этом – зла. При этом... Боже мой, / кем и за что наведена проказа / на этот лик, на этот край глухой?* («Смерть совы», 272).

Авторское своеобразие стиля Беллы Ахмадулиной проявляется уже при исследовании всего лишь одной тематической группы, в нашем случае – названий частей тела, и это своеобразие состоит а) в интенсивном обращении поэтессы к символике частей тела и соответственно к словам-соматизмам; б) в расширении состава поэтической соматики (*арта, артерия, зоб, щитовидная железа* и т. п.); в) в выстраивании новых контекстуальных антонимических пар (*рука – горло, исподлобье – горло*), г) в создании окказионализмов на соматической основе (*исподлобье, вполрта*), д) в широком использовании приёма олицетворения, персонификации частей тела; е) в широком использовании слов-соматизмов в автопортретировании и изображении замедленной съемки жеста лирической героини; ж) в тенденции к большей конкретности художественного обозначения части тема: соматизм «рука» в 100 стихотворениях употреблен 27 раз, тогда как «части руки» (локоть, ладонь, запястье) в общей сложности – 32 раза.

Список литературы

1. Занковец А. А. Влияние различных лингвистических факторов на фразеологическую активность соматизмов русского и белорусского языков // Вестник Беларус. дзярж. ун-та. – Серия 4. Філалогія. Журналістыка. Педагогіка. – 2007. – № 2. – С. 70 – 75.
2. Флоренский П. А. Письма с Дальнего Востока и Соловков // Сочинения. В 4-х томах. – Т.4. – М.: Мысль, 1998. – 795 с.
3. Попова А. Р. Словарь одного слова. – Орел: ООО ПФ «Оперативная полиграфия», 2009. – 356 с.
4. Гынзанова Л. Г. Интерпретационный потенциал соматизмов в описании картины мира языковой личности диалектоносителя // Вестник Томского государственного университета. Филология. – 2009. - № 1 (5). – С. 13 – 21.
5. Замалютдинова Э. Р. Особенности употребления слов-характеристик лица в переводах произведений Г. Манна на русский язык (на материале имен существительных и прилагательных) // Русская и сопоставительная филология: Взгляд молодых. – Казань: КГУ, 2003. – С. 30 – 38.
6. Занковец А. А. Лексическая полисемия и фразеологическая активность слова: закономерности взаимовлияния (на материале ЛСГ «соматизмы» русского и белорусского языков) // Славянские языки: системно-описательный и социокультурный аспект исследования. – Брест: Изд-во БрГУ, 2008. – С. 123 – 125.

7. Кочеваткин А. М. Соматическая лексика эрзянского языка: учебное пособие. – Саранск: Изд-во «Красный октябрь», 2001. – 200 с.
8. Старых О. В. Соматизмы как особый класс слов в лексической системе церковнославянского языка // Вестник ПСТГУ III: Филология. – Вып. 2 (24). – 2011. – С. 80 – 85.
9. Урысон Е. В. Фундаментальные способности человека и наивная «анатомия» // Вопросы языкознания. – 2005. – № 3. – С. 3 – 16.
10. Завалишина К. Г. Концептосфера «Человек телесный» в языке русского, немецкого и английского песенного фольклора. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Курск, 2005. – 19 с.
11. Туганова С. В. Словарь русских и английских антропологических примет. – Казань: Институт истории АНРТ, 2009. – 244 с.
12. Ахмадулина Б. Стихотворения. – М.: Эскимо, 2010. – 480 с.

SOMATISMS IN THE POETRY OF BELLA AKHMADULINA

V. K. Kharchenko
D. A. Pluzhnikova

*Belgorod National
Research University*

e-mail:
Kharchenko@bsu.edu.ru
dageeva24@rambler.ru

This article deals with the nominations of parts of the body in the poetry of Bella Akhmadulina. The preferences of usage of certain type of somatisms, the peculiarities of word usage and the transformation of a word into a symbol are under investigation in the paper.

Key words: somatism, somatology, synecdoche, symbol, perception.